

В КРУГУ РОМАНТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ

РУЗАН ТАТЕВОСЯН

В 80-90 годы XIX столетия в армянской поэзии романтизм еще не сдал своих позиций и было довольно сильно ощутимо влияние мирового романтизма. Об этом по разным поводам, в основном в связи с поэзией классиков, писалось в литературоведении, рассматривались творческие связи с романтическими и, в частности, с русскими романтическими традициями. Глобальный взгляд на художественный процесс отечественной литературы фиксирует внимание в первую очередь на наиболее крупных явлениях того или иного отрезка литературной истории, на ведущих писателях. Но этого явно недостаточно для научно-полного освещения проблемы. В теории сравнительного литературоведения давно уже обосновано то положение, что глубокое раскрытие генетических и типологических черт литературного развития предполагает изучение творчества "второстепенных" писателей, у которых преемственность художественных ценностей осуществляется более прямолинейно, более непосредственно проявляются характерные черты общих тенденций развития литературы. И поэтому для сравнительного изучения литературы их творчество представляет особый интерес. Эта мысль в равной степени относится и к "воздействующим" и к "воспринимающим" писателям. Так, в первую очередь изучалось влияние на армянскую словесность корифеев русской литературы. В многочисленных исследованиях и в разных аспектах литературоведы рассматривали воздействие творчества Пушкина, Лермонтова и других русских писателей на армянскую литературу. Обращение непосредственно к материалу показывает, что в классический период армянской поэзии был ощутимым и немалым отзвук поэзии Надсона. Он отразился в большей мере в творчестве армянских поэтов "среднего калибра", но, как бы отражая всеобщий интерес, выявился и в творчестве крупных армянских поэтов. Обращение к Надсону, например, подчеркивает и подтверждает важность русских романтических традиций для армянской классической поэзии¹. И, с другой стороны, изучение воздействия русской романтической традиции в первую очередь фиксировало внимание исследователей на именах Туманяна, Исаакяна, Терьяна, поэтов глубоко оригинальных, самобытных, у которых влияния пересекались с собственными творческими устремлениями, преображаясь подчас до неузнаваемости, обнаруживая свои следы не в тексте (как у подражателей), а, по словам Туманяна, в душе и нравственной сути. Обращение к творчеству армянских "второстепенных" поэтов, авторов "не первой шеренги" обрисовывает силу и широту резонанса романтических традиций в последние два десятилетия XIX и в первые годы XX века. В этом смысле для полного представления об историко-литературном процессе нам представляется интересным рассмотрение поэзии популярных армянских журналов (в первую очередь, "Мурча" и отчасти "Лумы"). Поэзия этих журналов романтическая по преимуществу. Более того, в ней обнаруживается определенная устойчивость мотивов, определенная приверженность к тем или иным образам.

В первом номере журнала "Мурч" (1889, №1) была опубликована статья редактора Ар. Арасханянца, в которой обосновались принципы и цели нового периодического издания, и, в частности, "расширить умственный горизонт армянской общественности, представить ей дух времени"². В этом же номере были напечатаны стихотворения Л.Манвеляна и Аликяна, близкие и по своему романтическому звучанию, и по образному строю. В стихотворении Л.Манвеляна сквозь тьму, шторм плывет лодка. И пока не иссякла надежда, светящая как звезда, есть силы грести:

Վազիր, իմ նավակ, հասիր ծովափին,
Արի կործրը փախառտելով.
Անտեղ բոլ հանգիստ գրանեմ վերադին՝
Իմ տառապանքը ծովին հանձնելով:

Беги, моя лодка, к берегу,
Рассекая грудь волны.
Пусть там вновь найду я покой,
Передав морю мое страданье.
(Подстрочный перевод)

Манящая тревожность образа одинокой лодки, паруса в армянском поэтическом сознании соотносится с лермонтовским парусом, одиноким и мятежным:

А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой.

Подобное совмещение контрастов, парадоксальность желаний характерны для поэзии Лермонтова. Образу этот, отсылаясь в армянской поэзии, часто терял свою антинормическую наполненность, акцентировалась одна грань - мятежность или одиночество. И как продолжение этого одиночества - разочарование, крушение надежд. Например, за стихотворением Манвеляна "Лодка" последовал поэтический ответ Балугянца³. Движение лодки прервалось, она остановилась на полпути.

Հոսանքը կատաղած խրչիում է նավին...
Ունեմ է իմ դեմ, ըստանում ալիք...
Ծովը տհաճին - փախած տառապանք...
Իսկ ես միայնակ մի մրջյուն վորդիկ:

Поток бешено бьет о лодку...
Воеет предо мной, угрожает волна...
Огромное море раскинулось предо мною...
А я одинокий маленький муравей.

Стихотворение Аликяна "Море"⁴ состоит из двух частей, продолжающих, дополняющих друг друга. В первой части прочитывается роковая обреченность человека:

Գիտեմ, որ ալիք անգամ մի քեր
Կարող էեմ վոխել ըստ իմ հաճույքի:

Знаю, что даже легкую волну
Не могу изменить по своей прихоти.

Этот мотив продолжен во второй части. В повторяющихся и оставленных без ответа вопросах подчеркивается та же несвободность человека:

Եվ ծովը նավի տակ շատ է գալարվում
Եվ մեզք ուռեցնում, ընկնում, բարձրանում
Արդյո՞ք կլանել է մեզ աշխատում
Թե ուրախ ու զվարթ նա պար է խաղում:

И море под лодкой извивается,
Вздувает спину, спадает и вздымается
Хочет ли оно нас поглотить?
Или весело и радостно движется в танце?

И все же, несмотря на роковую преданность стихиям, человек сильнее их. "У нас есть силы властвовать над морем", - так завершается стихотворение.

Мысль о судьбе и предназначении человека в жизни часто выражается образом лодки, плывущей по бурному морю. Иногда этот образ, разрастаясь в символ, находится в центре стихотворения, иногда мелькает как сравнение:

Եվ կամ որ հողմոց ալեկոծ ծոցին
Փետուրի նման սահի երեքով,
Կամ խրտվառույզ ծովի երեսին,
Նավակի նրձան փախչում է փութով:

Или как пушинка, гонимая вихрем,
Скользит по эфиру,
Или на поверхности моря
Быстро убегает, как лодка.

А вот еще строки из стихотворения того же автора: «Արշալույսի ծովում խորտակված նավը, խորտակվում է շիրմի անդունդը» (Корабль, потонувший в море горя, Погружается в бездну могилы)⁵.

Ар. Атаян в стихотворении "Посвящение другу"⁶ пишет:

Թող նավի նման մեր կյանքն օրորվի
Մոլի կատաղի արհավիրքներում,
Թող մեր միտքը, հոգին վրդովվի,
Եվ այսպես անվերջ, մինչև դադարում:

Пусть колеблется, как лодка, наша жизнь
В яростных, неистовых бедствиях,
Пусть волнуются наш ум, душа,
И так вечно, до конца.

В стихотворении Цатуряна обрисовывается следующая лирическая ситуация: поэт брошен в море горя и скорбей, он плывет, преодолевая все препятствия с верой, что достигнет берега и свободы⁷. Здесь образ предстает обнаженнее, без символического паруса, лодки.

У популярного в свое время поэта Леренца часто обнаруживается близкая Лермонтову тематическая и образная аналогия:

Եվ այդ կատաղի վորդիկներում,
Կյանք ու հոգու այդ աղմուկներում,
Որպես մորթիկից հեռա նավակ մի տրվար,
Անշուշտ կը գտնեմ հանգիստ ինձ համար:

И в этих яростных бурях,
В волнениях жизни и души,
Как слабая лодка после урагана,
Конечно, найду себе покой.

Морские образы родственны поэзии Шанта. В стихотворении "Море"⁸ он пишет об удивительной близости души поэта и огромного синего сердца. Герой Шанта выражает желание бороться, подобно волне:

Կյանք, առի ինձ աղմուկ, արա,
Հոգի կոխվ կը մտնայ.
Կ'ուզեմ անսպառ ու փրփրաբոս
Արի փես պայրար տալ:

Жизнь, дай мне шума, грохота,
Душа просит борьбы,
Хочет сражаться,
Как бесстрашная и пенная волна.

Шант был первым переводчиком поэмы Лермонтова "Мцыри". Перевод печатался в газете "Айреник" (1891). Это был год вступления Шанта в литературу - в той же

газете печатались его первые стихотворения и переводы. Сложнейшая переводческая задача, поставленная Шантом, говорит о многом: о склонностях и вкусах, об осознании творческих сил и об избрании трудной школы мастерства. Отзвуки романтической лиры Лермонтова есть и в лирике Шанта. Например, очевидно лермонтовское влияние в стихотворении "Лодка":

<i>Մակուրկն է խորած Օրորուն ավիրն. Անճառար եղած Իր ամուր կապին:</i>	<i>Качающаяся лодка Вонзилась в берег, Покорная Своей крепкой привязи.</i>
---	--

<i>Անզանար բույ, Կախված մեղքորեն, Կը դուրս անդու Հովի սարսուղն:</i>	<i>Слабый парус, Еле привязанный, Без усталости трепещет От веяния прохлады.</i>
---	--

<i>Թիերն ալ, խոզնած Դադարեն երկար, Բաց ծովուն դիմաց Կը նայեն իրար:</i>	<i>И весла, уставшие От долгого покоя, Пред открытым морем Смотрят друг на друга.</i>
--	---

<i>Եվ դժգոհ, խոխուն Թեր կայմը ամուր Կը դիտե հեռուն Կարտառով սրխուր:</i>	<i>И недовольная, задумчивая, Косая крепкая мачта Вглядывается вдаль С грустной тоской.</i>
---	---

<i>Ու կըրքենեմ ես - Նախն ալ կազմ, անահ, Անճկուտ սրբախ պես Բաց ծով կը ցանկայ:</i>	<i>И кажется мне - Корабль готовый, бесстрашный, Как и тоскующее мое сердце, Желает открытого моря.</i>
--	---

<i>Կուգէ սաստկանք Կյանք ու փոքրիկ. Մինչ ավիրն անգործ Կ'երերայ լրիվ...¹²</i>	<i>Хочет мятежной Жизни и бури, В то время как на берегу В бездействии тихо колеблется.</i>
--	---

В девятом номере того же года был напечатан перевод стихотворения Надсона, в котором тоже откликается лермонтовский образ паруса:

*Не двинул к пристани свой челн
Я малодушною рукой,
И смело мчусь по гребням волн
На грозный бой с глубокой тьмою!..*

Надсон вообще часто обращался к лермонтовским мотивам и образам, правда, смягчая их силу, размывая интенсивность красок.

Лермонтовские образы часто откликались в поэзии Д. Демирчяна¹³. Желание жить бурями ("Все, чего ищу - бесконечная буря"¹⁴) в стихотворении "Мачта" сменяется отчаянием, безнадежностью, образ наполняется противоположным значением:

<i>Հուճի մի եր զգալի որին. Իր կյանքն արդեն տխուր կախակ Մեկ վե՛ր, մեկ վա՛ր, օրը օրին, Հաճում է գուր, խոզնած, մեծա՛կ...¹⁵</i>	<i>Нет выхода, к которому бы стремилась, Ее жизнь уже грустная шутка, То вверх, то вниз, день за днем Считается напрасно, уставшая, одинокая.</i>
--	---

Несомненны зависимость от лермонтовской традиции и в то же время "нелермонтовское содержание". Исчезает тревожная душа лермонтовского образа. Корабль столкнулся с жизнью, и произошло крушение надежд. Мачта - отчаявшаяся, сломленная, уставшая.

Мы уже приводили пример подобной трансформации образа, когда в нем акцентируется одиночество и бессилие. Но все же чаще он воспринимается как символ борьбы:

*Ես կուզեի ծովը նկատել
Ծովն արևո՞ւմ ու հուզեալ,
Այլաց ծայրին ծայրն խառնել
Սկսելով անկիրք կռիվ սալ:*

*Я хотел бы броситься в море,
В море, бурное и волнующееся,
Слить свой голос с голосом волн,
И вместе без конца бороться.*

Вот еще строки из стихотворения Ханларяна:

<i>Հե՛մ հուսահատվի. բող գող ավիրներ Չարենեմ, փրփրենեմ, նախ տառապի: Թող որչափ կուզեն խփեն ինձ հողմեր Կամքս - քաշես ծայր ամուր կը կանգնի:¹⁷</i>	<i>Не отчаюсь, пусть грозные волны Бьют, беснуются, пусть колеблется мой корабль, Пусть, сколь угодно, бьют меня бури, Воля моя, как скала, будет непоколебимой.</i>
--	--

Лермонтов проявил особый интерес к творчеству Томаса Мура. В частности, некоторые образы из "Ирландских мелодий" Томаса Мура, активно и творчески переработанные, отозвались в лермонтовских стихах. В 1890 году был опубликован перевод Цатуряна из Томаса Мура. В душе человека царит тяжелая скорбь, яд которой отравляет жизнь:

<i>Այդպես, կարած ճղան վերայ խոճուկ սերեն է բոշմում Եվ էլ գու՛ր է խիստ անտառում մեղմիկ բամին դողանքում, Էլ ի գու՛ր է արևն անտառ ցողում շիրեր վառ. անշեփ. Տերեն, այո, կանաչում է - բայց կյանք չկա նրա մեջ¹⁸:</i>	<i>Так на сломанной ветке вянет жалкий лист, И тщетно в густом лесу нежно звенит ветер, И тщетно солнце щедро протягивает струи, яркие, неугасимые. Листок, правда, зеленеет, но жизни нет в нем.</i>
---	---

Так и в лермонтовском "Листке" выражена мысль о преждевременной старости, одиночестве, безвременном увядании души. Этот мотив созвучен поэзии И.Иоаннисяна, Ав. Исаакяна¹⁹. Вот строки Арама Вердяна: «Դե՛ս ես չ'տեսած կյանքիս գարունը: Հաջորդեց խիստին բոշմած աշունը» (Еще не увидел я весну своей жизни, Как последовала сразу увядающая осень²⁰). Или то же настроение, выраженное теми же образами у Леренца:

<i>Երե տանջանքից խորին ու վրդով՝ Մաշված կյանքրս սև Դեռ պեսք է քարշ գա, քաշես չար հողմով Բշված մի տերև²¹:</i>	<i>От страданий глубоких и тревожных Черная, подточенная моя жизнь Будет еще влачиться, как злым вихрем Гонимый листок.</i>
---	---

У Л.Манвеляна этот образ возникает в связи с темой поэта и поэзии. Лира молчит не потому, что погас огонь вдохновения, а потому, что участь поэта тяжела, он стал жертвой преследований:

<i>Է՛ն նա գոհ դարձավ բիրտ հալածանքի. Ինչպես տերևը՝ հողմերն հանձնված, Ինչպես նավավար՝ ծովի հորձանում, Ինչպես զինվորը՝ բռնամուց հաղթված Միայն հալածար ճակատամարտում²²:</i>	<i>Он стал жертвой грубого преследования, Как листок, гонимый ураганом, Как кормщик в пучине моря, Как солдат, побежденный врагом В неравной битве.</i>
---	---

В том же номере журнала напечатано стихотворение Демирчяна "Песня", развертывающееся в том же образном и интонационном ключе:

<i>Տերևներին դեղնած. խոճուկ Հալածում է ցուրտ բամբին... Հիշատակներ, գնում եր քոք - Տարեր ձեզ հե՛տ իմ հոգին:</i>	<i>Жалкие, желтые листья Преследует холодный ветер... Воспоминания, вы уходите - Унесите с собой мою душу.</i>
--	--

Очевидна, таким образом, созвучность поэтических образов разных стихотворений, помещенных в одном номере. Впрочем, это далеко не единственный пример. Устойчивый круг романтических мотивов и образов характерен для многих книг "Мурча".

Образ гонимого листка не раз встречается в поэзии Демирчяна. Приведем еще один пример: «Բնորոշի անկյունիք քո բամբին բռն մեկ-մեկ քաշված չոր տերևներս» (Пусть ветер гонит в уголок природы По одному осыпавшиеся мои сухие листья)²³.

Трагический разлад с действительностью выражают и образы “последней тучи расеянной бури” (Пушкин), гонимых туч-странниц (Лермонтов), тоже очень созвучные армянской поэзии этого периода²⁴. В стихотворении Леренца одинокая туча исчезает при свете дня, и лишь на листьях дрожат капли ее слез:

*Չար հողմով զապված իր նմաներից,
Մի կտոր անկյ մենակ հասավ հեռվից,
Կապույտ երկնքի վրան կանգ առավ
Եվ մախախտության մեջ ընկղմվեցավ²⁵:*

*Злым ветром отделенная от подобных себе,
Одинокая тучка приплыла издалека,
Остановилась на синем небе
И погрузилась в задумчивость.*

В другом стихотворении Леренца²⁶ своеобразно трансформировались два романтических образа - одинокого облака и лермонтовского паруса:

*Խորունկ երկնքի լուսինն է մայրում,
Մելամաղձ անարժ աստղերն են փայլում,
Եվ եզրներըն արձարով մանված
Այնտեղ կտոր անկյ է մախախտ կանգնած:*

*Луна смотрит с глубокого неба,
Меланхолически блестят звезды,
И обрамленная по краям серебром
Застыла задумчиво тучка.*

*Երկնում ամեն բան հրաշալի, խաղաղ,
Մինչ նրա տակ անհուն ու արժարաշաղ
Ծովն է փորրկում, ուղտն ու փղոսկ, և
Լսես քե կործրե՞լ դնում, հառաչում:*

*На небе все замечательно, мирно,
А под ним, беспредельное и серебристое,
Бушует море, вздувается и спадает,
Как будто стонет его грудь.*

*Նրա վրա խաղում է սպիտակ առագաստ,
Փռչո՞ւն, կանել նրան այլքն է պատրաստ:
Նավավարն մենակ, մրտազրադ, տխուր
Հողմի կամքին է եղած անճնատուր:*

*На нем играет белый парус,
Волна готова сломать, поглотить его,
Одинокий кормщик, задумчивый, грустный,
Предан воле вихря.*

*Եվ աչքերն անշնչա՞ լուսինից, աստղերից
Նա անհագ մարդ հարցնում է նրանից
Բո՞ւն փորրկի մասին կենսական,
Նաև հանգստի հավիտենական...*

*И не отрывая взгляда от луны, звезд,
Он с неутолимой мыслью просит
О жгительной сильной буре
И о вечном покое...*

Как видно хотя бы из приведенных примеров, в армянской поэзии откликнулись многие лермонтовские образы и мотивы, в том числе и демонический мотив. С демоном сравнивает себя лирический герой Леренца:

*Որպես մի դև խոհապանդեմ,
Հուսահատված աշխարհից,
Կիրառ ծնված ցավով դժխեմ
Հոգին մրալ թուալից
Ես բախառում էի մենակ²⁷:*

*Как некий змурый демон,
Разочарованный в мире,
Сердце мое сдавлено безжалостной
болью,
Душа мрачна, полна яда.*

Приведем еще строки из стихотворения А.Атаяна “Ночь в лесу”:

*Այս մութ անտառում մրալ դևի պես
Ի՞նչ ես որոնում եմ կես գիշերին,
Օ, խափար հոգի²⁸:*

*Что ищешь в полночь
В этом темном лесу, подобно мрачному демону,
Душа моя?*

В поэзии роман-эпоса одним из самых распространенных и варьирующихся во многих произведениях мотивов был мотив-темницы. Разочарование (достаточно просмотреть хотя только заглавия многих стихотворений - “Тоска”, “Спать” и др.) порождает ощущение закованности, вызывает тему узничества. Б.Эйхебаум писал, что такие образы и такие стихи “не просто олицетворение природы: это поэтические аналогии, подсказанные трагическим сознанием, которое ищет соответствий и подтверждений в природе”. Вспомним, к примеру, как в приводимом уже стихотворении Шанта “Лодка”, в отличие от лермонтовского паруса, в открытом море жаждающего бури и борьбы, лодка была узницей, у берега на крепкой привязи она мечтала о свободе.

Сопоставляя мотив бегства в мир мечты у русских романтиков начала XIX века и у поэтов конца XIX начала XX вв., исследователь справедливо подчеркивает в последних специфический поворот в развитии мотива. И это находит свое отражение и в армянской поэзии. В конце XIX - начале XX вв. бегство в мир

мечты: “возможно лишь как условность, как кратковременное самоопьянение, рядом с которым постоянное сознание своей плененности”. Это бегство “более иллюзорно”, потому что личность к концу XIX в. “только в своем сознании может полагать себя относительно независимой”²⁹.

Из мира-темницы может освободить лишь сила воображения, мечта. Разочарованный, недовольный жизнью лирический герой хочет воспеть “идеальную жизнь”: «Ես ցիտրաիքս սիրեցի» (Я полюбил мечту)³⁰.

В русской литературе образ узника соотносится с образом вольных птиц. То же противопоставление наблюдается и в армянской поэзии. Например, в стихотворении Нждега “Тоска” выражено желание обрести крылья, стать птицей, ветерком и помчаться к любимой. Эта тема у армянских поэтов часто связана с образом пандухта. Так, в “Песне несчастного” Л.Манвеляна звучит зависть к птице, которой нет дела до несчастных, скорбящих о “погибших надеждах, увядшей молодости”:

*Կուգի քեզ հեռ,
Սախանել վերև
Կապույտ երկնքի
Կամարի տակին³¹:*

*Хотел бы с тобой
Парить наверху
Под сводом
Голубого неба.*

Образ узника был одним из центральных у Лермонтова, тоска по свободе звучала особенно остро. Не случаен интерес Туманяна к стихотворению Лермонтова “Желание”. Туманян не просто переводит его, а рассказывает о себе, о желании иметь крылья и помчаться к родине предков, Тарону, коснуться струн парфянской лиры. С “Желанием” Туманяна перекликается стихотворение Ов. Малхасяна:

Տվեք ինձ քներ՝ քուցեմ սլանալ

*Дайте мне крылья, чтоб полететь,
устремиться*

*Այն տաք երկիրը, ուր կանաչազեղ
Հողն է ծածկած, և անուշահամ,
Լեռնուր կարկաչում, որպես սլաք բյուրեղ³²:*

*В те теплые края, где покрыта зеленью
Земля, и журчит, как чистый хрусталь,
Вкусный родник.*

Лирический герой романтиков часто и безуспешно ищет родственную душу. Этот мотив ярко проявился в лирике Ав. Исаакяна. Вот, к примеру, стихотворение Кайцун, создающее такую лирическую ситуацию: одинокая лилия растет на скале, ее ласкают облака, осыпают нежностью. А под горой бьет ключ, навсегда одинокий³³. В другом стихотворении того же автора к роднику спускается облако, а поэт так и не находит друга³⁴.

Часто с этим мотивом связан мотив сна, дарующего минуты радости:

*Տանջանքից հոգնած տառապյալ հոգի,
Ընկղմվեց քնի օրորող ալիք³⁵:*

*Уставшая от страданий моя измученная душа
Погрузилась в укачивающие волны сна.*

Но пробуждение и отрезвление бывают особенно тяжелы. Мир золотой мечты испаряется мгновенно, как в “Мираже” Л.Манвеляна:

*Ավաղ, հանգավ գեղեցկության միրաժը
Այն հրեղեն, երջանիկ այն աշխարհ³⁶:*

*Увы, угас мираж красоты,
Тот огненный, роскошный, счастливый мир.*

И еще трагичнее осознается одиночество:

*Բայց տես, ցնցված ես անուշ քնից,
Տեսա ինձ մենակ, հեռու նորանից,
Եվ վիշադ մշտաբաղդ դարձյալ ինձ ալիքեց,
Տառապյալ իմ սիրտ բախի՞ծը գերեց³⁷:*

*Но вот, потрясенный своим сладким сном,
Увидел себя одиноким, вдали от него,
И неутоленная печаль овладела мной,
Страдающее сердце пленила печаль.*

В развитии мотива сна, как уже отмечалось в литературоведении, обнаруживается типологическая родственность и близость поэзии Исаакяна и Лермонтова. Не раз сила видения, пригрезившегося раненному или убитому тревожит души людей, находящихся далеко. В некоторых стихотворениях второстепенных поэтов находим отзвуки этого мотива. Так, в стихотворении Леренца “Сон” раненый, лежащий среди трупов, вдруг слышит звуки барабана и трубы, вдохновенные песни:

*Ներդաշնակ ծայրերն օդն էին լցնում,
Ժպտում աստղերը, լուսինն է փայլում,
Իսկ ես դիրի մեջ, դաշտում սգավոր.
Դեռ ընկած էի կրծքով վիրավոր³⁸:*

*Гармоничные звуки заполняли воздух,
Улыбались звезды, светила луна,
А я, среди трупов, в скорбном поле
Еще лежал, раненный в грудь.*

В стихотворении А.Атаяна раненый обращается к ветру, чтоб рассказал любимой о нем, о его последних минутах³⁹.

Пути литературного наследования сравнительно легко прослеживаются в одностемных стихотворениях, в частности, о долге и призвании поэта. Здесь обнаруживается воздействие образности Пушкина, Лермонтова, Плещеева, Надсона. В целом ряде стихотворений Леренца, А.Атаяна, Туманэ, Кайцун, Ханларяна, опубликованных на страницах "Мурч"-а и "Лумы" видны надсоновские акценты. Но чаще наблюдается пересечение разных традиций. Так, в стихотворении "Другу" Ов. Малхасяна, который переводил и Лермонтова, и Надсона, звучит надсоновское обращение к другу-брату, сострадание к которому и заставляет писать. Но здесь есть образы, связанные в поэтическом сознании с поэзией Лермонтова, с лермонтовским развитием темы поэта-пророка:

*Տո՛ւր ինձ քո ձեռքը, ընկեր քանկազին,
Մեղմեմ հուսարեկ, արեկո՞ծ սրտիս,
Եվ նորա սիրո ուժով կարոզին,
Հնչեցնեմ լարերը ժանգոտ քնարիս⁴⁰:*

*Дай мне свою руку, дорогой друг,
Прижму ее к отчаявшемуся, взволнованному сердцу,
И силой его большой любви
Заставлю звучать струны моей заржавевшей лиры.*

Образ заржавевшей в бездействии лиры ассоциируется с лермонтовским образом заржавевшего кинжала. Огромный заряд гражданственности заложен в "Поэте" Лермонтова, в сравнении слова с кинжалом, в гневных строках, обращенных к современникам:

*Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк?
Иль никогда на голос мщенья
Из золотых ножон не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?*

Рассмотренными образами не исчерпывается, конечно, вся пролема. Мы проследили развитие лишь некоторых наиболее часто встречающихся, излюбленных романтических образов.

¹ См. об этом нашу статью "Туманян и Надсон, "Норк", 1989, *2, с. 103-112.

² "Мурч", 1889, *1, с. 16.

³ "Мурч", 1889, *9, с. 1449-1450.

⁴ "Мурч", 1889, *1, с. 19-20.

⁵ "Мурч", 1889, *4, с. 574-575 (стихотворение Алевора "Самодовольный нищий").

⁶ "Мурч", 1889, *5, с. 74.

⁷ "Мурч", 1898, *2-3, с. 263-264.

⁸ "Мурч", 1890, *5, с. 648.

⁹ "Мурч", 1891, *1, с. 108.

¹⁰ "Мурч", 1895, *11, с. 1406-1407.

¹¹ "Мурч", 1897, *2-3, с. 253-254.

¹² "Мурч", 1894, *6, с. 844.

¹³ См. об этом подробнее нашу статью: "Литературная Армения", 1980, *5, с. 102-103.

¹⁴ "Мурч", 1896, *1-2, с. 1520.

¹⁵ "Мурч", 1904, *4, с. 24.

¹⁶ "Мурч", 1897, *11-12, с. 1515 (стихотворение Арама-Чарзета).

¹⁷ "Лума", 1905, *1, с. 38.

¹⁸ "Мурч", 1890, *4, с. 526.

¹⁹ См. подробнее нашу книгу "Лермонтов и армянская классическая поэзия", с. 59-60, с. 149.

²⁰ "Лума", 1910, *9-10, с. 69.

²¹ "Мурч", 1892, *11, с. 1604.

²² "Мурч", 1894, *11-12, с. 1535.

²³ "Мурч", 1898, *10-11, с. 1368.

²⁴ См. нашу книгу "Лермонтов и армянская классическая поэзия", с. 93-94.

²⁵ "Мурч", 1892, *1, с. 91.

²⁶ "Мурч", 1895, *5, с. 612.

²⁷ "Мурч", 1891, *1, с. 110.

²⁸ "Мурч", 1899, *9, с. 1055.

²⁹ См.: "Русский романтизм", М., "Высшая школа", 1974, с. 186.

³⁰ "Мурч", 1894, *4, с. 525-526 (стихотворение Шанта).

³¹ "Мурч", 1889, *10, с. 1515.

³² "Мурч", 1889, *11, с. 1781.

³³ "Лума", 1902, *6, с. 212.

³⁴ См.: "Лума", 1904, *4, с. 185.

³⁵ "Мурч", 1889, *2, с. 272.

³⁶ Там же, с. 231.

³⁷ Там же, с. 272 (стихотворение Нждега).

³⁸ "Мурч", 1892, *5, с. 687-688.

³⁹ "Мурч", 1898, *7-8, с. 1002-1003.

⁴⁰ "Мурч", 1889, *11, с. 1782.

Ռ. Վ. ԹԱԳԵՎՈՅԱՆ. - ՈՍՄԱՆՏԻԿ ԿԵՐՊԱՐՆԵՐԻ ՇՐՋԱՆՈՒՄ-

19-րդ դարի 80-90-ական թվականներին հայ գրականության մեջ ռոմանտիզմը դեռ չէր զիջել իր դիրքերը, և բավական զգալի էր համաշխարհային ռոմանտիզմի ազդեցությունը: Այդ մասին տարբեր առիթներով, հիմնականում դասականների կապակցությամբ, խոսվել է գրականագիտության մեջ, ինչը, սակայն, բավական չէ խնդիրը բազմակողմանի լուսաբանելու համար:

Համեմատական գրականագիտության աեսությունում վաղուց ի վեր իշխում է այն աեսակետը, որ գրականության զարգացման ծագումնաբանական ու ախարբանական գծերի բացահայտումը ենթադրում է այսպես կոչված երկրորդական կարգի գրողների ստեղծագործությունների ուսումնասիրություն, որոնց երկերում զեղարվեստական արժեքների հաջորդականությունն ավելի ուղղագծորեն է իրագործվում, և գրականության զարգացման ընդհանուր միատմների բնորոշ գծերն ավելի պարզորոշ են դրսևորվում:

Ահա թե ինչու գրական արժեքների համեմատական ուսումնասիրման համար վերոհիշյալ գրողները հատուկ հետաքրքրություն են ներկայացնում: Այս դրույթը հավասարապես վերաբերում թե՛ «ազդող» և թե՛ «ազդվող» գրողներին:

Այսպես, հայկական պոեզիայի դասական շրջանում Պուշկինի ու Լերմոնտովի ազդեցության կողքին զգալի էր. օրինակ, Նադսոնի պոեզիայի արձագանքը. մի հանգամանք, որ ընդգծում և հաստատում է այդ շրջանում ուսական ռոմանտիզմի ավանդույթների կարևորությունը: Մյուս կողմից ուսական ռոմանտիզմի ազդեցությունն ուսումնասիրողները առաջին հերթին ուշադրությունը կենտրոնացնում էին Թումանյանի, Իսահակյանի և Տերյանի անունների վրա, խորապես ինքնատիպ բանաստեղծների, որոնց կրած ազդեցությունները տրամախաչվում են սեփական ստեղծագործական մղումների հետ՝ երբեմն կերպարանափոխվելով մինչև անճանաչելիի աստիճան և ի հայտ բերելով իրենց հետքերը ոչ թե տեքստում (ինչպես նմանակողների դեպքում է լինում), այլ, Թումանյանի խոսքերով ասված, հոգու և բարոյական էության մեջ: «Երկրորդական կարգի գրողներին» անդրադառնալը բույլ է տալիս գծագրել ուսական ռոմանտիզմի ավանդույթների արձագանքի ծավալն ու խորությունը: Այդ առումով 19-րդ դարի վերջին երկու տասնամյակների և 20-րդ դարի սկզբի գրական-պատմական գործընթացի մասին ամբողջական պատկերացում կազմելու համար կարևորվում է հայկական հանրահայտ «Մուրճ» և «Լուսմա» պարբերականներում լույս աեսած չափածոյի ուսումնասիրությունը: Այս ամսագրերի չափածոն առավելապես ռոմանտիկական է: Ավելին, մոտիվների որոշակի կայունություն և այս կամ այն պատկերի հանդեպ հակվածություն են դրսևորվում: Աշխատանքում վեր են հանվում առավել հաճախ հանդիպող մախընտրելի կերպարների զարգացման միատմները:

Հաճախ են տարբերակվում մավակի, առազաստի պատկերները, որոնք հարաբերվում են լերմոնտովյան միայնակ և խռովահույզ առազաստին: Երբեմն այդ պատկերը, աճելով-դառնալով խորհրդանշիչ, բանաստեղծության կենտրոնում է գտնվում, երբեմն էլ առկայծվում է իբրև համեմատություն: Հայկական պոեզիայում այն հաճախ է կորցրել իր անսոխնոմիական բովանդակությունը:

Աշխատանքում քննվում են Մանվելյանի, Բալոտյանցի, Ար.Արայանի և այլոց բանաստեղծությունները: Ծովային կերպարները Ծանրի պոեզիային են հարազատ: Նրա «Նավակ» բանաստեղծությունում, օրինակ, ակնհայտ է լերմոնտովյան «Առազաստ» և կալանավորության ռոմանտիկական մոտիվի ազդեցությունը:

Դեմիրճյանի, Լեոնցի, Ա.Վերդյանի, Խամլարյանի մի շարք բանաստեղծություններում հանդիպում են հալածված սիրելի ու ամպի պատկերներ: Լեոնցի բանաստեղծություններում յուրօրինակ կերպով ձևափոխվել են երկու ռոմանտիկական պատկերներ՝ միայնակ ամպի և առազաստի:

Գրական ժառանգության ուղիները համեմատաբար հեշտ են հայտնաբերվում միաթեմա ստեղծագործություններում, մասնավորապես՝ պոետի կոչման ու պարտքի մասին բանաստեղծություններում:

Այստեղ ի հայտ է գալիս Պուշկինի, Լերմոնտովի, Պլեչեևի, Նադսոնի կերպարայնության ազդեցությունը: Լեոնցի, Թումանյանի, Կայծունու և ուրիշների մի շարք բանաստեղծություններում Նադսոնյան շեշտեր են երևում, հաճախ էլ նկատվում են տարբեր ավանդույթների խաչաձևումներ: